

В ПОМОЩЬ АГИТАТОРУ
Серия для громких чтот

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

О г и з
Молотовское Областное Издательство
1 9 4 3

В конце июня я вылетел из Москвы на Северный Кавказ, чтобы оформить вещественными доказательствами и свидетельскими показаниями следы немецких преступлений. Их много, и они ужасны по жестокости, по количеству жертв, ни в чем не виноватых, по методичности убийств.

Я верю, что еще не мало людей, живущих вдали от войны, с трудом и даже недоверием представляют себе противотанковые рвы, где под насыпанной землей — на полметра в глубину, на сто метров протяжением — лежат почтенные граждане, старухи, профессора, красноармейцы вместе с костылями, школьники, молодые девушки, женщины, прижимающие истлевшими руками младенцев, у которых медицинская экспертиза обнаружила во рту землю, так как они были закопаны живыми. С трудом можно вообразить немецких солдат, торопливо перекликающихся в огороде, где они ищут маленькую девочку, которая спряталась, потому что ее дедушку и мать они только что убили за найденную в сундуке фотографию лейтенанта Красной Армии; они находят девочку в высокой кукурузе и пристреливают. Трудно поверить, чтобы немцы накануне отступления продавали по сходной цене на городском рынке спирт и питьевую соду, причем спирт был метиловый, а в пакетиках с надписью «сода» находилась щавелевая кислота. Но они

действительно продавали это, и свыше семисот доверчивых жителей города Георгиевска отравилось, — заболело и умерло. Следственный акт, а за ним и — обвинительный, ожидает виновных в этом отравлении, чтобы предать их суду.

Половина моей жизни прошла в те годы, когда европейская цивилизация расцветала под солнцем почти полувекового мира.

Я бесстрашно останавливался в немецких гостиницах и спал там, не запирая двери на ключ; в Германии у меня ни разу не украли моих чемоданов. Я свято верил, что каждая капля моей крови принадлежит мне, и ни один немец не в праве выпустить ее через дырку, просверленную ножом или пулей. Я человек старого поколения. Я не понимаю современных немцев. За пять месяцев оккупации Северного Кавказа в одном только Ставропольском крае они насильно отобрали у населения (ограбили), зарезали и съели и частично угнали в Германию сто сорок девять тысяч 674 коровы, один миллион восемьсот пятьдесят тысяч 259 овец и коз, сто девяносто шесть тысяч 462 свиньи, восемьсот пятьдесят тысяч кур, гусей и знаменитых черных индеек, и так далее...

Я не понимаю современных немцев, которые, торопливо отступая в январе месяце с Северного Кавказа, делали то, что обычно делает уголовный преступник, уходя из ограбленного им дома, где он прирезал хозяев, — омерзительно пачкает на самом видном месте. Во всех городах и станицах областей и республик Северного Кавказа и Кубани немцы взорвали и сожгли все — без исключения — школы, театры,

кино, гостиницы, библиотеки вместе с книгами, больницы, санатории, дворцы пионеров и общественные здания. В тех местах, куда из-за спешки отступления не успевали прибыть взрывные команды, там немецкие солдаты с кирками и ломом разбивали окна, ванны, умывальники и уборные, даже вентиляционные решетки, стреляли из автоматов по лепным украшениям, обдирали и ломали мебель, искалывали штыками оцинкованные крыши, — что с несомненностью указывает на немецкую добросовестность в работе и на вкус к разрушению. В Железноводске — курорте, равного которому по медицинскому оборудованию и комфорту не было в Европе, немцы устроили мясокоптильни; в великолепных санаториях, отделанных драгоценным деревом и мрамором, они сложили печи и пять месяцев дымили салом и свиной копотью в разбитые окна этих дворцов и в январе — при бегстве из Железноводска — взорвали все санатории и дома отдыха.

Все, о чем я здесь рассказываю, — я видел своими глазами. Но я видел гораздо более печальное. На Северном Кавказе немцы убили все еврейское население, в большинстве эвакуированное за время войны из Ленинграда, Одессы, Украины, Крыма. Здесь было много ученых, профессоров, врачей, эвакуированных вместе с научными учреждениями. Подготовку к массовым убийствам немцы начали с первых же дней оккупации. Они организовали еврейские комитеты, будто бы для переселения евреев в мало заселенные области Украины, и — одновременно — создали для них

невыносимые и унижительные условия жизни: старики, подростки, больные, ученые, врачи, старухи, едва передвигавшие ноги, равно выгонялись на тяжелые земляные работы, без оплаты и без хлебного пайка; приказывалось носить на груди желтую звезду и запрещалось входить в столовые, магазины и общественные места. Запрещался выезд из города. Таким образом, когда, наконец, объявлен был «день переселения», евреи с величайшим облегчением собрались в указанных местах вместе с семьями, с багажом в двадцать килограммов на человека и продовольствием на два дня. Ключи от квартир они оставили в домоуправлении, — в приказе командующего армией им была гарантирована неприкосновенность их имущества. Один армянин рассказал мне, что в это утро он пришел на вокзал в Кисловодске; шумная и оживленная толпа грузилась в девятнадцать открытых и закрытых вагонов, двадцатый был для членов еврейского комитета; армянин разыскал в толпе знакомую женщину и сказал ей: «Отдайте мне на воспитание вашу дочь, вы не доедете до Украины». Семилетняя дочка этой женщины была такая красавица и умница, что все заглядывались на нее. Он долго уговаривал женщину, она задумалась, обняла дитя. «Нет, — ответила, — что будет, то будет, мы не расстанемся».

К часу дня поезд, в котором находилось около тысячи восьмисот человек, проехал станцию Минеральные Воды, остановился в поле, и сопровождающие немецкие офицеры в бинокль осмотрели складки местности; осмотр их не удовлетворил, поезд задним ходом вернулся в Минеральные Воды, прошел на запасный

путь и остановился у стекольного завода. «Вылезай, прыгай на землю!»—закричали немцы-конвоиры. Тогда началось беспокойство. Члены еврейского комитета, среди которых было четыре известных врача и пожилой писатель Бергман, успокаивали: «Немцы — враги, немцы—суровые, но они же—культурные люди, мы должны верить обещанию командования...». Последовал приказ сдавать драгоценности. Торопливо снимали серьги, кольца, часы и бросали в пилотки охранникам. Прошло еще минут десять. Подъехала штабная машина с начальником гестапо Вельбен и комендантом Поль. Последовал приказ: «Раздеться всем догола...».

Все это мне рассказал единственный из оставшихся в живых старик Фингерут, — он спрятался на запасном пути в траву между колесами вагона. Когда был приказ—раздеваться—люди поняли, что сейчас—конец жизни, сейчас—казнь. Люди начали кричать, метались и так кричали, что вылезали глаза и многие сошли с ума. Многие раздевались—непонятно зачем, женщины оставались в трусиках, мужчины—в кальсонах. Охранники погнали толпу этих людей по полю аэродрома к противотанковому рву, отстоящему в километре от стекольного завода. Фингерут увидел немецкого солдата, который волок за руки двух детей, вынул револьвер и застрелил их. Тех, кто пробовал бежать, убивали выстрелами. Несколько автомобилей кругами мчались по полю, из них стреляли по разбегающимся. Не легко убить тысячу восьмисот человек,—подогнав их к противотанковому рву, их расстреливали от часу дня до вечера.

Ночью к этому рву стали подходить закрытые машины из города Ессентуки. Там—точно так же—спровоцированные через еврейский комитет, по приказу коменданта Бек, в здании школы—на окраине Ессентуков—собрались для переселения, с багажом и продовольствием, 507 трудоспособных евреев и около полутора тысяч детей, стариков и старух. Они весь день ждали отправки. После двадцати часов охраны ки начали грабить их багаж и партиями грузить людей в машины. К утру следующего дня все две тысячи человек были умерщвлены и свалены в противотанковый ров в Минеральных Водах.

Показаниями свидетелей и медицинским исследованием трупов можно установить, что для умерщвления немцы применяли, кроме расстрела, также удушение окисью углерода в герметически закрытых, специально для такого убийства построенных машинах.

Военнопленный автомеханик Фенихель дал нам подробное описание такой машины, построенной на «Заводе строительства автокузовов а/о Берлин».

В Пятигорске, точно так же, две тысячи восьмисот евреев — взрослых и детей—были провокационно созваны для переселения, отвезены в машинах в Минеральные Воды, умерщвлены и свалены в тот же противотанковый ров. Немцы очищали Пятигорск и в дальнейшие дни. Свидетельница Островенец рассказывает нам: «Я жила во дворе, где немцы устроили камеры с замурованными окнами для заключенных. Я наблюдала, как к этим камерам подъезжала вплотную черная, закрытая автомашина. Тогда по камерам разносилась команда: «Раздевайся». Начинались дикие

крики заключенных женщин и детей. Затем их—полураздетых—выталкивали из камер, загоняли, втаскивали за волосы в автомашину. Дверь ее плотно закрывалась. Из тюремного помещения выходил офицер и другие гестаповцы, они всегда почему-то осматривали низ машины. После этого шофер включал мотор, который издавал сильный гул, однако он полностью не заглушал ужасного крика и топота ног находящихся в машине. Гестаповцы начинали свистеть и громко смеялись. Так продолжалось пять—семь минут, после чего в машине становилось тихо и она уезжала...».

Произведенные под моим наблюдением раскопки противотанкового рва в Минеральных Водах обнаружили плотную массу трупов на протяжении ста пяти метров. Мы определили цифру убитых более 6.000 человек, она несколько уменьшена сравнительно с показаниями свидетелей по вывозу еврейского населения из Кисловодска, Ессентуков и Пятигорска. Очевидно, не все еще могилы обнаружены. Так, под Кисловодском в овраге, близ Кольцогора, сильными дождями начало размывать детские трупы. Раскопками в двух местах этого оврага обнаружен 161 труп взрослых людей и 70 детских трупов. Так, в Ставрополе на аэродроме при расчистке щелей до сих пор обнаруживают трупы.

В Пятигорске на Машук-горе, в старых каменоломнях, открыто и опознано около трехсот трупов граждан русской национальности. Еще и сейчас на крутом известковом обрыве каменоломни видны черные пятна и брызги крови и между камнями—обрывки одежды

и женские локоны. Сюда немцы привозили из тюрем мужчин и женщин, иногда полуживых от ужасных пыток. Следы пыток обнаружены медицинским осмотром,—вырванные челюсти, изломанные и обожженные конечности, скальпированные черепа. Людей ставили на краю обрыва, расстреливали и затем на упавших обрушивали взрывом камни. На Машук-горе, на кирпичных заводах и в других местах обнаружено до сих пор 356 трупов, в числе их женских и детских — 66.

В городе Ставрополе немцы 10 августа умертвили окисью углерода в машинах 660 больных психиатрической больницы. 12 августа немцы вывезли в район аэродрома три тысячи пятьсот жителей еврейской национальности и расстреляли их из автоматов. 15 августа вывезли на территорию психиатрической больницы еще пятьсот граждан еврейской национальности, расстреляли и зарыли в силосных ямах. Кроме этих массовых убийств, немцы арестовывали и уничтожали русское население города, — людей им нежелательных по тем или иным причинам. Всего немцами убито в Ставрополе свыше пяти тысяч пятисот человек русских и евреев.

Спасшийся от расстрела гражданин Коневский рассказывает об убийствах 12 августа... «Нам дали лопаты и приказали сесть в крытую брезентом автомашину с группой в 30 человек арестованных. Нас повезли за город в сопровождении двух легковых машин с вооруженными немцами. На окраине города машина остановилась, немцы отделили восемь человек пожилого возраста, и нас в количестве двадцати двух

человек повезли дальше к месту, называемому Холодный родник. Там нас повели к цементной яме — примерно, 8 на 12 метров — она была наполнена трупами людей и немного присыпана землей, сквозь которую сочилась кровь. Когда мы лопатами засыпали эту яму, нас заставили засыпать другую — поменьше, в которой тоже были трупы. Когда и эта яма была засыпана, нас всех повезли за километр к нескольким ямам и траншеям, наполненным трупами расстрелянных мужчин, женщин и детей, лежавших в нижнем белье или совсем раздетых. Неподалеку от одной из траншей лежали вниз лицом те восемь человек, которых от нас отделили. Они были живы. Когда мы начали работать, под'ехал на машине офицер, по его приказанию мы легли вниз лицом, а те восьмерых немцы ударами заставили подняться и подойти к траншее, в них выстрелили из автомата, и они упали туда, после чего мы продолжали зарывать трупы. Вместе с нами был профессор математики Гойх, в засыпаемой яме он вдруг узнал трупы двух своих детей, бросил лопату и прыгнул в яму. Офицер подошел и застрелил профессора. Примерно, в полдень к этому месту под'ехали три грузовых машины, на которых лежали и сидели раненые красноармейцы. Нас заставили снимать раненых, и на наших глазах их расстреливали. Казнь производили офицеры гестапо — человек 25—30, фамилию одного из них я знаю, — Байер».

И так далее, и так далее, — я переворачиваю скорбные страницы показаний свидетелей массовых убийств, пыток в гестапо, насилий немцев над жен-

щинами и подростками... Я читаю показание потерпевшей — Настасьи Супрун. Она рассказывает, как ее пытал и мучил следователь Фишер, добываясь признания о связи с разведкой. В камере с ней сидела ее четырнадцатилетняя племянница Ниночка Сучкова. Ее также допрашивал Фишер... «Ниночку опять принесли после пытки, она три часа лежала без сознания с кровавой пеной у рта. Когда очнулась — сказала только: «Тетя Ася, что будет со мной?». Когда после массовых убийств вернулась машина смерти, Ниночку послали убирать и мыть ее. Ниночка рассказала, что на полу в машине валялись куски рваного белья, волосы, очки и испражнения. «Ниночку опять взяли на допрос, били палками и опять она была без сознания...» Четвертого ноября Ниночку взяли из камеры, и больше ее никто не видел...»

Что все это такое? Я спрашиваю: кто такие немцы? Как мог немецкий народ пасть так низко, чтобы его армия совершала дела, о которых тысячу лет с омерзением и содроганием будет вспоминать человечество? Каким раскаянием и какими делами немцы смогут смыть с себя пятно позора? Пятно позора — это нацизм. Немецкий народ не плюнул в глаза своему соблазнителью и пошел за Гитлером убивать и грабить. Горе тем немцам, кто теперь же, не откладывая на завтра, не очнется от коричневого дурмана.

„Правда“ № 194 от 5 августа 1943 г.

1139

Цена 25 коп.

Отв. за выпуск *Р. Имас.*

Сдано в набор 1 сентября, подписано к печати 21 сентября 1943 г.
Формат $60 \times 92 \frac{1}{32}$. Объем — $\frac{3}{8}$ п. л., Издат. № 154. Типография
обл. изд. газ. „Звезда“, гор. Мологов, уг. ул. М.-Ямской и 25 Ок-
тября, 27. Заказ № 4692. ЛБ17928. Тираж 25000.